

Журнал "Искатель"

№ 03, 1962

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 03, 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 164 с.

ISBN 978-5-458-66567-4

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66567-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Научно-фантастическая повесть

Рисунки А. Гусева, В. Немухина

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов. Там можно было запросто встать и пойти гулять по улицам, не надевая скафандров.

Там оставалось и многое другое, имя чему было — Земля. Странное дело: с расстояния в семьдесят миллионов километров должна была, верно, показаться совсем незначительной родная планета, давно уже превратившаяся в яркую звездочку, неотличимую от других. Но получалось иначе — Земля отсюда становилась гораздо больше, сильнее, роднее до невозможности. И каждое воспоминание о ней — дороже дорогого.

2

— Так вот, — продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. — Баранцева вы все, конечно, помните — ну, заведующий сектором астронавигации института? В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей — чтобы получше разбирались в психике курсантов. И вот подходит очередь Баранцева...

Он остановился на полуслове. Звук, мягкий и печальный, зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колот уши. Мигнули голубые плафоны. Затем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

— Быть по местам! — отчетливо сказал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. — Через десять минут — поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта — прямо перед его креслом — микрофону, нажал клавишу, раздельно продиктовал:

— Двадцать — сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал ему только что выданную печатающим устройством ленту. Сенцов, прищурившись, назвал цифры координат корабля в пространстве.

— Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Всё.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгибе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть всех: не нужно ли успокоить, ободрить товарищей перед трудным участком пути?

Высокий широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно некосмических габаритов, как шутили товарищи, сидел, погружившись в размышления, машинально приглаживая рукой реденеющие волосы. Он казался глыбой, позамствовавшей спокойствие и невозмутимость у своих счетно-решающих устройств, и никто, кроме, пожалуй, Сенцова, не знал о той боязни пространства, от которой Калве еще не успел окончательно излечиться. Калве не подведет. Так...

Рядом с ним откинулся в кресле Раин. Глаза его были полузакрыты, словно бы его занимал вовсе не полет, а некоторые особенности спектра звезды RR Лиры, подмеченные при наблюдении именно отсюда, из пространства, свободного от атмосферных помех. Невысокий, худой — известный астроном и одновременно штурман, или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, он на первый взгляд казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала их со всех сторон. Но Сенцов, не первый рейс уже проводивший с Раиным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло), знал, что на ученого можно положиться во всем.

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе, а ведет себя, как старый звездолетчик. Пока, правда, выдержки не хватает. Вот и сейчас...

Действительно, Азаров не мог вынести столь долгого молчания, спокойно заерзал в кресле.

— Вот... — сказал он. — И это называется человек вышел в космос. А если рассудить — в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем.

Сенцов пожал плечами. Калве (он был латыш) неторопливо — чтобы не ошибиться в русской грамматике — ответил:

— Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас. Люди выполняют свои задачи, машины — свои. Так мне кажется...

— А мне не кажется! — сердито сказал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков (с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу), заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

— И вообще, — запальчиво продолжал он, — бросьте вы так носиться с вашими машинами! Вы-то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов. А мы — пилоты, и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Да если...

Сенцов не стал вслушиваться в очередной бесполезный спор о том, кто старше: космическое яйцо или курица. Главное было ясно: ребята в порядке. Повернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Двести шестидесятый день полета подходил к концу. Сказывалось напряжение небывалого по продолжительности рейса. Не хватало ощущения скорости, которое всегда дает известный подъем духа; корабль, казалось, просто висел в пространстве. Однако покой этот был обманчив, и напряжение от него только возрастало: вокруг был космос, еще неизвестный, неисследованный и мало ли что тающий в своих глубинах.

Повысилась раздражительность. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за девять месяцев всем осточертело. Для полугодового пребывания (а именно столько должно было продлиться путе-

шествие) корабль оказался явно тесноват. Или это только казалось? Нестерпимо хотелось иногда выйти, освободиться, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или каюты, в которой они отдыхали.

Полет был разведывательным. Проверялась возможность облететь Марс без длительной, более чем на год, остановки на круговой орбите. И сейчас полет входил в решающую фазу: на расстоянии тридцати тысяч километров предстояло обогнуть Марс. Поэтому так внимательно и вглядывался в лица товарищей Сенцов.

Его, как и всех остальных, собственно, беспокоил не сам поворот. Тревожило другое. Их ракета была не первым кораблем, ушедшим с Земли к Марсу. Несколько раз посылали сюда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передача информации прерывалась. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

У них пока все шло нормально. Но ведь что-то происходило с теми ракетами, и вряд ли это была всего лишь случайность... Происходило... Что же? Что?.. Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, сбившими своим притяжением ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недостаток топлива? По расчетам, его должно было хватить.

Во время полета они беседовали об этом не раз и не два. Оставалось поверить в существование каких-то мощных магнитных полей, в решающую минуту то ли создававших помехи для работы электронных штурманов, то ли вообще выводивших их из строя. Возможно, что машины начинали отдавать неправильные распоряжения, и корабли падали на Марс или уходили безвозвратно в пространство.

Чтобы разрешить, наконец, загадку, на этот раз и летели люди. Они могли в нужный момент взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Метеорную защиту усилили. Ракете был придан космический разведчик.

Все это делало ракету практически неуязвимой — неуязвимой, насколько это вообще возможно в космосе. Но неизвестная, и от этого еще более пугающая, опасность, наверное, все же подстерегала их где-то впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Райн, закрыв глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись. И хотя все три пилота поочередно несли восьмичасовую вахту — один из них неотлучно находился у пульта, — людям оставалось лишь с завистью поглядывать на опломбированные, закрытые множеством предохранителей, рычаги.

Занятие было не из самых приятных. Подчас и у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль

на Марс. Но он настойчиво отгонял эти мысли: все будет в свое время.

Так он успокоил себя и сейчас. Глаза же его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты.

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть — о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

— Ну... — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой — волосы взвились и встали дыбом («Беда с прическами при невесомости!» — мельком усмехнулся Сенцов). Оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху; отворив дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому; каждый раз он ради развлечения изобретал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт, — он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительными шагами, словно и не было никакой невесомости, — на прощанье махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитоскопу — так назывался новейший бортовой телескоп, непрерывно записывавший все, что попадало в поле его зрения, на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим — чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, — вошел Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном. Сенцов потянул носом воздух, усмехнулся. Коробов опустился в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его взгляд, улыбнулся.

— Чистую рубаху надел... — сказал он весело, как бы показывая самым тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдышать, ни о чем не думая, пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать — ни о чем не думать, — он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, словно потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами. Сенцов покосился на него, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Косые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. На миг оба пилота испытали легкое головокружение.

Марс висел перед ними кровавым ятаганом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может —

даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километрах от ракеты светилась Аэрия, темнели Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбался.

Вот так выглядит победа — красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки!

В кресле рядом заворочался Коробов. Вздохнул. Негромко сказал:

— Обидно все-таки... Ползем чуть не год, а лет через пятьдесят-сто люди будут сюда добираться за день. Ну, за три дня... Мы с тобой, знаешь, кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на крыльях. Притом пращурьы наши, в дубовых челноках, — они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для этого поколения, сколько для будущих. Ты скажешь — так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмехнутся ли: «Летали тут когда-то на тихоходах!..» Удастся ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: «Нет, не зря старики жгли топливо!»

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов человек трезвой логики. А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей.

Но было уже некогда. Почему-то желание такого вот душевного разговора приходит всегда именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов ничего ему не ответил, впившись взглядом в стрелку хронометра.

— Последние минуты... — сказал он негромко. И ему показалось вдруг, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

— Может, пустим разведчика? — словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

— Рано, пожалуй... — ответил Сенцов. — Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится?.. — И решительно заключил: — Выпустим только при явной опасности.

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во

мраке уголек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортовой экран — там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце. И вдруг оно погасло — сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

Мгновенно на нескольких шкалах стрелки разом качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко защелкало — это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи вспыхнул красный огонек.

Ракета вошла в теневой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты. Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

— Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателям. Повернул. И словно не свет, а звук включил он — сразу пронзительным, прерывистым ревом захлебнулись сирены радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы — и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завывать на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы, и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно — быстрее даже, чем подумал: «Вот оно — то самое!..» — понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с околосветовой скоростью частицы, вонзаясь в металл облочки, порождали ливень опасного рентгеновского излучения.

Он бросил взгляд на приборы. Да, оно проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

— Ну, что же они там? — крикнул Сенцов и резко кинул тело вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали — на курсовом экране сверкнула яркая вспышка пламени. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка — космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать-сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие костюмы... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах. что насыпает космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой опасности.

Наконец трянуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась. Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, перекладывали газовые

рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона — так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять самому управление. Сердце властно требовало: действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов. И уж, конечно, не уважение к параграфу инструкции удержало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно перемалывая что-то... Но вот ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом. Сигналы тревоги стали ослабевать, багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба. Коробов разжал противно задрожавшие руки.

— Вот это встреча... — сказал он невнятно. — Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесполезно было гадать: из каких глубин вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем? Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не хлебнешь ледяной воды. Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другая группа автоматов, которой не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключила экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: ракета заметно приблизилась к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим, не надеясь на автоматы.

— Ну, — сказал Сенцов, — вот и дождались. Вот тебе и особая необходимость, при которой, как гласят правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Собери-ка всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы тербели застужку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой вычислителя успокоительно гудело, звякало, на панелях мирно вспыхивали многочисленные цветные огоньки.

— Машина в порядке, — сказал Калве, не оборачиваясь.

Он выслушал задание — рассчитать поворот. Согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти, левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от планеты. Затем он надел наушники справочника — в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Потом вошли встревоженные Азаров и Раин — их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу; ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу. Теперь все четверо, быстро позорачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им казалось, что прошло очень много времени, пока машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, пожевал губами. Подумал. Сказал:

— Орбита нестабильна. При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало, что ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда, медленно, по пологой спирали, но корабль все же падал на Марс.

Это никого особенно не смутило — в их власти было включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Прозвенело. Калве нажал клавиш — машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве, казалось, ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз. Повернулся к товарищам — на лице его, казалось, остались только глаза.

— По данным расчета, — сказал он медленно, — в этих обстоятельствах мы... как это? Мы невозможны выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива. Из баков последней ступени — так здесь сказано... Мы падаем на Марс.

3

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов, как всем вдруг показалось, стало угрожающе громким.

Калве сидел уронив руки — из-за отсутствия тяжести они нелепо торчали в воздухе. Остальные кто сидел, кто стоял, откинувшись, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип накрепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно (словно это и было самое главное сейчас) следивший за его полетом, сказал:

— А почему беспорядок? Всем быть на местах...

...В первую минуту никто из них не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: «Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты!..» Калве, пожав плечами, ответил: «Так есть». И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь все расселись по креслам, и Сенцов сказал:

— Ну, погоревали — хватит.

— Собственно говоря, — сказал Калве, — я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет, где именно горючее — в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигателя?

Азаров пожал плечами, выражая этим свое молчаливое презрение по поводу незнания самых элементарных технических истин. Коробов спокойно ответил:

— Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени — только топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

— Ну и что? — спросил Калве.

— А то, что расход топлива последней ступени на этом этапе полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

— Остальное мне понятно, — сказал Калве. — Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива ниже нормы. Он не заблокировал двигатели, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

— Да, — сказал Азаров. — Но теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

— Вздор! — сказал Сенцов. — Но решать надо быстро.

— Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, — серьезно сказал Коробов. — Премия — экскурсия по маршруту Марс — Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил:

— Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не приходило, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

— Ну, так мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели от удовольствия. Он подошел к программному устройству; несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух... Машина не отвечала долго — за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, пробежал его глазами и протянул Сенцову.